

Глава 2.

Шел 27-й день действия Закона (его так и называли, Закон с большой буквы), когда сестры вернулись в Москву после полутора месяцев, проведенных с родителями в отпуске на экзотических островах. Папа и мама, дипломаты, годами пропадавшие за границей в командировках, давно планировали уделить детям много времени и вывезти их в какую-нибудь экзотическую страну, и это им, наконец, удалось. Полтора месяца сплошного моря, пальм и релаксации пронеслись быстро, и вот теплой июльской ночью девочки возвращались в Москву. Поскольку у них в бунгало не было даже телевизора — они, вместе с родителями, намеренно изолировались от внешнего мира, девочки ничего не знали о Законе. Поэтому их удивила, что таможенница, женщина неопределенного возраста, строгим голосом сказала им, что она не будет подымать шум, но им надо привести в порядок свой внешний вид.

Девочки решили, что тетка чокнутая ханжа, и что не стоит относиться к ее словам серьезно — одеты они были нормально — топики и мини-юбки — как еще надо возвращаться из поездки на море. У выхода их ждало такси, и уже через 40 минут они входили в свою квартиру.

Правда, таксист, пожилой дядька с усталым лицом, тоже проводил их странной тирадой, мол, надо быть осторожнее и соблюдать закон. Уставшие с дороги, девочки не предали всему этому особенного внимания, и уже через полчаса, после водных процедур, сладко спали — назавтра младшей, Кате, надо было в школу — она и так пропустила две недели занятий, а старшей, Лене — на работу. Пока девочки спят, стоит описать их внешность, тем более что описывать есть что. Девочки были очень похожи, глядя на них, можно было безошибочно сказать, что они родные сестры. У обеих красивые, иссиня черные волосы до плеч, глаза, поражающие глубоким синим цветом, классические черты лица, осиная талия, длинные стройные ноги. Младшая, Катя, была чуть повыше — 179 см против 176 у Лены, зато у старшей была больше грудь — четвертый размер против третьего у Лены, у которой, впрочем, все еще в этом вопросе было впереди. При этом форма груди у обеих была такой, что сводила с ума мужчин своими очертаниями уже давно. Впрочем, это можно сказать и про всю внешность девочек. При этом красоту эту лицезреть могли только они сами — девочки, благодаря строгому воспитанию, были очень скромными, и не один мужчина пока не был осчастливлен созерцанием их наготы. Бой-френды были у обеих девочек, но дальше невинных поцелуев (именно невинных, без распускания рук), дело не шло. Теперь читатель может представить себе, каким ангелочкам предстояло столкнуться с жестокой действительностью и Законом.

Наутро, быстро позавтракав, девушки разбежались по делам. Лена, опаздывая, по выходу из дома сразу поймала такси. Ехать надо было минут 20, и все это время таксист нес какую-то чушь, что, мол, надо одеваться правильно и незачем так рисковать (Лена была одета в футболку и джинсы). Занятая приятными воспоминаниями об отпуске, Лена его практически не слушала. Она остановила такси у магазина, в двух домах от входа в офис — ей надо было купить кофе и сахар. Однако, не успела она и шага сделать от машины, как ее окликнул милицейский патруль.

— Девушка, Вам что, приказ президента до фонаря? — начал разговор странной фразой старший из двух патрульных.

— Какой приказ? — недоуменно спросила Лена.

— Вы хотите сказать, что ничего не знаете про Закон? Он действует почти месяц!

— Меня не было в стране, я действительно не в курсе, — ответила Лена, чувствуя неприятный холодок в спине.

— Это Вас в какой-то степени извиняет, но незнание закона не освобождает Вас от ответственности. Вот он, — лейтенант протянул Лене ламинированный лист бумаги.

Лена начала читать, и по мере прочтения ее все больше и больше пробивал холодный пот.

Прочитав первые 4 строчки, она спросила:

— Это что, программа «Розыгрыш»?

— Нет, девушка, все как никогда серьезно. У меня нет времени на ликбез. Если говорить коротко, то Вы не по форме одеты.

— Что значит не по форме? — возмутилась Лена. Она хотела еще что-то сказать, но офицер остановил ее жестом руки.

— Я сейчас Вам все продемонстрирую, и мы прекратим эту ненужную дискуссию.

Он беглым взглядом окинул проходившую мимо толпу и ловко поймал за локоть молодую блондинку, пытавшуюся проскользнуть мимо незамеченной.

— Девушка, проверка формы одежды, — сказал он строго, и та обреченно остановилась. Она была одета в кофту с крупными пуговицами и короткую юбку.

— Девушка, расстегните кофту, — приказал милиционер, и та без лишних слов расстегнула кофту, обнажая голую грудь.

— Шире девушка, шире.

Девушка, закусив губу, подчинилась.

— Теперь задерите юбку.

Снова безусловное подчинение. Она стояла посреди оживленной улицы, выставив грудь и выбритый лобок на всеобщее обозрение. Милиционер держал паузу, а девушка не решалась ничего предпринимать без команды. Она жутко покраснела, по щекам текли слезы. Выждав еще минуту, лейтенант продолжил издевательство.

— Юбку можно опустить. Нет, застегиваться команды не было!

Девушка испугано отдернула руки от кофты. Мент достал рулетку и замерил расстояние от колена до юбки.

— Так, здесь нормально, 26 сантиметров. Теперь тест на скорость. Застегнитесь.

Он достал мобильный телефон и включил режим секундомера.

— На счет три начинайте раздеваться. Раз, два, три!

Девушка в панике начал раздеваться, кинув кофту и юбку прямо на тротуар.

— Что ж, будем считать, что в 5 секунд уложились. Молодец. Отойди пока на шаг назад, руки за голову, ноги шире плеч. Я потом проверю остальное.

Несчастливая, абсолютно голая девушка отошла на шаг назад и замерла в указанной позе — широко расставленные ноги и руки за головой. Слезы по лицу текли не переставая, поплыла тушь, но блондинка не смела послушаться. Возле них уже собралось несколько мужиков, довольным бесплатным представлением. Они, не стесняясь в выражениях, обсуждали достоинства девушки, стоящей перед ними голышом в унижительной позе

Лена была на грани обморока. Ей казалось, что все это происходит не с ней или что это — просто кошмарный сон. К действительности ее вернул лейтенант.

— Поскольку Вы одеты не по форме, Ваша одежда подлежит изъятию. Раздевайтесь!

Поняв, что сопротивление бесполезно, Лена начала было снимать майку, но непроизвольно остановилась.

— Если Вы не хотите, чтобы мы Вас раздели, поторопитесь. Сержант, начинайте съемку, — распорядился лейтенант.

Второй милиционер подошел к припаркованной рядом милицейской машине, достал из нее камеру и начал снимать. Лена поставила сумочку на землю и начала раздеваться. Она сняла футболку, искала глазами, куда ее положить, не найдя, положила ее прямо на тротуар и стала расшнуровывать кроссовки. Никогда в жизни ей не было так стыдно. Она почувствовала, что сильно покраснела, но это было только начало. Сняв кроссовки, она расстегнула и стащила с себя джинсы, положила их на тротуар рядом с футболкой и, выпрямившись, замерла.

— Девушка, белье вообще запрещено, кроме чулок. Снимайте, снимайте, мы не можем заниматься Вами весь день, — с раздражением сказал лейтенант.

Чувствуя, что у нее подгибаются ноги, Лена завела руки за спину и расстегнула застежку лифчика. Закрыв глаза и закусив губу, она резко сняла лифчик, бросила его на кучу одежды и застыла, прикрыв грудь руками. Заставить себя убрать руки от груди и снять трусы она не могла.

— Ну, все, хватит, — сказал лейтенант, шагнул к ней и рывком стянул с нее трусики донизу. Охнув, Лена прикрыла одной рукой низ живота и чуть присела.

— Вы мне надоели, девушка, — еще более раздраженно сказал лейтенант. — Быстро выпрямиться, руки за голову, стать рядом с девушкой!

Лена выдохнула, вновь закрыла глаза и подчинилась. Из толпы зевак напротив, которая к этому моменту достигла человек сорока, вырвался единодушный вздох восхищения — Лена была чудо как хорошо, а в этой позе с торчащей вперед грудью особенно.

Мент тем временем, стащив с ее щиколоток трусики и бросив их к остальной одежде, переключился на блондинку.

— Давайте, показывайте документы.

Девушка быстренько присела к лежащей на тротуаре сумке и достала паспорт и еще какую-то тетрадь и альбом.

— Так, что тут у нас? Тетрадь записи половых партнеров, — говорил лейтенант, листая тетрадь. — Все нормально. Теперь покажите портфолио.

Девушка, передав ему альбом, снова встала вытянувшись и заложив руки за голову.

Лейтенант не торопясь, со вкусом, листал альбом, по несколько секунд задерживаясь на каждой фотографии.

Такого жуткого стыда Лена не испытывала никогда. Она, абсолютно голая, в рабской позе стоит посреди улицы, и на нее пялятся несколько десятков мужиков — страшнее она себе ничего и представить не могла.

Закончив листать альбом с фотографиями голой блондинки, лейтенант достал из ее сумочки паспорт и протянул ее снимающему все это действие сержанту.

— Пробей ее по нашей базе, я пока другой займусь, — с легкой улыбкой сказал он и повернулся к Лене. — Ну что, красавица, показывай, что у тебя есть?

— Только паспорт, — всхлипнув, проговорила Лена, — я же говорила, мы ничего не знали про Закон.

Сказав это, она не выдержала и зарыдала в три ручья. Она сообразила, что ее младшая

сестренка тоже ничего не знает и наверняка тоже сейчас где-нибудь стоит голышом. Впрочем, милиционера все эти сантименты не интересовали.

— То есть у Вас нет не тетради записи половых партнеров, не портфолио? — продолжая глумливо улыбаться, сказал он, достав из ее сумки паспорт и начав ее листать.

— Каких половых партнеров?! — уже срываясь на истерический крик, ответила Лена, — я девственница!

— А вот это хорошо, — неожиданно серьезным тоном сказал лейтенант, — ведь Вам, судя по паспорту, еще нет 18. Это единственное требование закона, которое Вы выполнили. Кстати, это надо проверить.

— Что проверить? — не поверив своим ушам, севшим голосом спросила Лена.

— Вашу девственность. Давайте, ложитесь спиной на капот и разводите ноги в стороны!

— Что?! Нет!! Ни за что!!! — уже в истерике закричала Лена и впервые изменила позу, скукожившись и закрывшись руками.

Ответом была сильная пощечина.

— Встать, руки за голову! — заорал лейтенант и еще раз наотмашь ударил ее ладонью по лицу. — Живо!

Испугавшись еще больше, Лена вновь приняла унижительную позу.

— На капот, быстро, — еще один вопль.

Лене ничего не оставалось, как подчиниться. Она подошла к машине, легла спиной на капот, и, вдохнув, как перед прыжком в воду, развела ноги, согнув их в коленях. Младший из милиционеров, не прекращавший съемку ни на минуту, встал в метре от нее и начал снимать. Он навел камеру на лицо, взял крупный план, затем опустил камеру до уровня груди, снова взял крупный план, задержался на этом виде около минуты, потом, снова взяв менее крупный план, опустил камеру ниже, немного задержался на животе, опустился еще ниже, к промежности, и снова укрупнил картинку. Когда же он сделал еще шаг и практически упер видеоискатель камеры Лене в промежность, та не выдержала и разразилась громкими рыданиями. Но это было еще не все. Сержант отступил чуть назад, к ней подошел лейтенант, наклонился к ее выставленному паху, развел пальцами губки и стал аккуратно пальцем другой руки тыкать, проверяя наличие девственной плевы, чем вызвал еще более сильные рыдания Лены.

Удостоверившись, наконец, что все нормально, он выпрямился, жестом остановил попытку Лены встать и сказал:

— Вот что, уважаемая! На этой камере запечатлено как минимум три грубейших нарушения закона — нарушение формы одежды, преступное ношение белья и отсутствие портфолио. По идее я должен Вас задержать и препроводить в отделение для оформления, Вам грозит серьезное наказание — длительная еженедельная, а то и ежедневная порка, а возможно, и тюремное заключение. Но мне Вас жалко, учитывая, что у Вас есть смягчающее вину обстоятельство. Поэтому я дам Вам шанс. Вы работаете или учитесь?

— Работаю, — всхлипнув, ответила Лена.

— До которого часа?

— До семи вечера.

— Отлично. Я Вас жду у себя дома вот по этому адресу, — он написал на клочке бумаги адрес, — сегодня в 20:30. Если будете послушной, все будет хорошо. Вы свободны!

Лена быстро слезла с капота машины и, прикрывшись руками, бросилась к своей одежде.

Однако на тротуаре стояла только сумочка и кроссовки. «Ну да, — вспомнила Лена, — он же говорил, что одежда подлежит изъятию». Она оторопело остановилась — у нее был выбор — или идти сейчас голышом на работу, отработать голой целый день, а потом еще и возвращаться домой в том же виде, или сейчас ехать голышом домой, одеться (а ведь еще надо привести одежду в соответствие Закону), но очень сильно опоздать на работу. Она выбрала второй вариант.

Продолжение следует